

Сюй Байли бродил между торговых рядов в полном одиночестве. Он с живым любопытством разглядывал разложенные на прилавках диковинки, донимая расспросами призрачных торговцев. Кое-кто из лавочников быстро терял терпение — кому охота тратить время на зеваку, у которого в кармане ни гроша? Его бесцеремонно прогоняли, но юноша ничуть не смущался и с прежним азартом шёл к следующему прилавку, продолжая глазеть и расспрашивать.

Ма Юэ повернулся и, подойдя к застывшим поодаль спутникам, негромко спросил:

— Как я выгляжу? Одежда в порядке?

— Если не считать окровавленной тряпки на руке, то вполне, — Хуа Тянь окинул его оценивающим взглядом. Ма Юэ не отличался утончённой красотой, а глубокий шрам на лице и вовсе выглядел пугающе, но статная, богатырская фигура, открытый взгляд и волевой подбородок искупали всё. В любой приличной семье такого молодца с руками бы оторвали.

Ма Юэ лишь усмехнулся, спрятал раненую руку в широкий рукав и направился к Сюй Байли.

Он дождался, пока очередной раздосадованный торговец прогонит юношу, и только тогда шагнул вперёд:

— Молодой господин.

— Ма Юэ! Ну где ты пропадал? — Сюй Байли тут же подбежал и доверчиво взял его за руку. Было видно, насколько они близки.

— Посмотри скорее! — Сюй Байли указал на глиняный кувшин. — Торговец уверяет, что это вино настояно на цветах цюньхуа. Я принялся — и правда, пахнет точь-в-точь как они!

— Молодой господин, но ведь перед уходом матушка-наложница строго-настрого запретила вам пить, — с притворным вздохом возразил Ма Юэ.

Сюй Байли не стал капризничать или спорить. Он лишь покорно опустил голову, принялся несчастно теревить край рукава и так сокрушённо вздохнул, глядя на кувшин, что у любого сердце бы сжалось от жалости.

Ма Юэ, не выдержав, достал из кошелька несколько медных монет и протянул их торговцу:

— Налей-ка полчарки.

Глаза Сюй Байли мгновенно просияли. Он радостно захлопал в ладоши и так и закружился вокруг своего телохранителя.

— Полчарки не продаю! — отрезал призрачный лавочник.

Радость на лице юноши вмиг угасла.

— Тогда наливай целую, — Ма Юэ взял глиняную чашу, лихо опрокинул её в себя, осушив больше половины, а остаток протянул приунывшему Сюй Байли. — Только пей не спеша, крошечными глотками. С непривычки хмелеют быстро.

Сюй Байли бережно принял чашу обеими руками и сделал крошечный глоток. Сладкий, ароматный напиток мягко обжёг горло, оставляя изысканное цветочное послевкусие.

Они побрели дальше, весело переговариваясь и шутя. В каждом движении, в каждом взгляде сквозила искренняя, глубокая привязанность.

— Мне кажется... — Лань Цзыцзюнь заговорил было, но тут же качнул головой и умолк.

— Договаривай, брат Цзыцзюнь, не держи в себе, — подтолкнул его Хуа Тянь.

— Мне кажется, Сюй Байли невероятно зависит от Ма Юэ. А сам Ма Юэ для него скорее... — Лань Цзыцзюнь замялся, подбирая верное слово.

— Слуга, личный слуга, — негромко подсказал Чжун Ли, избавив его от долгих поисков.

Хуа Тянь широко улыбнулся и по-дружески приобнял Чжун Ли за плечо:

— Ого, неужели наш великий герой Чжун говорит по собственному опыту? Ладно, пойдёмте и мы снимем пробу с этого хвалёного вина.

Хуа Тянь увлёк за собой Цзянь Цзяня к прилавку, а Лань Цзыцзюнь с Чжун Ли последовали за ними. Пропустить чарочку хорошего алкоголя никто из них был не дурак, тем более что цены на этом призрачном базаре не кусались.

Сладкий аромат навевал такую жажду, что честная компания решила не ограничиваться парой глотков на ходу. Догнав Ма Юэ и Сюй Байли, они всей гурьбой завалились в ближайший кабачок, где без лишних церемоний устроили весёлое и шумное застолье.

В этот вечер никто не вспоминал о запутавшемся расследовании, забылись титулы и бывшие обиды. Было лишь хмельное веселье, шутки да бесконечные тосты.

Давно перевалило за полночь. Уличный базар понемногу опустел, хозяин кабака уже собирался закрывать заведение. Захмелевший Лань Цзыцзюнь, позабыв о привычной

сдержанности, увлечённо расспрашивал Хуа Тянь о тайнах Подземного царства.

Тем временем Хуа Тянь, улучив момент, когда Ма Юэ отвлёкся, шутки ради подлил Сюй Байли крепкого вина. Непривычный к пьянству юноша быстро захмелел и крепко уснул прямо за столом.

Ма Юэ бережно поднял его на руки и направился к выходу.

— Куда ты его понесёшь? — окликнул его Хуа Тянь. Они всё ещё находились внутри созданной Ма Юэ магической формации, и терять бдительность не стоило: один неверный шаг — и останешься здесь навечно.

— Встречать рассвет, — тихо ответил Ма Юэ. Он на мгновение запнулся, а затем добавил: — А потом верну... Байли назад.

Небо на востоке едва заметно посветлело, окрашиваясь в пепельно-серые тона уходящей ночи. Но вот сквозь предрассветную мглу пробился первый робкий луч, и над горизонтом медленно поплыл багровый диск солнца.

Сюй Байли безмятежно спал, уложив голову на колени своего верного защитника. Ма Юэ выглядел на удивление умиротворённым, точно с его плеч свалилась непосильная ноша. Он молча созерцал рождение нового дня, переводя взгляд с просыпающегося солнца на спящего юношу.

Лишь когда светило полностью поднялось над землёй, призрачный силуэт Сюй Байли начал медленно таять в воздухе, пока не исчез совсем.

Этот день, этот рассвет повторялись для Ма Юэ из раза в раз, из года в год. Словно Сюй Байли никогда не умирал, словно эта застрявшая в мире живых угасающая душа была единственным, ради чего Ма Юэ ещё стоило дышать.

— Можете забирать его душу, — не оборачиваясь, глухо произнёс Ма Юэ. Он прекрасно знал, что Хуа Тянь и его спутники всё это время не спускали с него глаз. — Но мою память не трогайте. Оставьте мне воспоминания.

— Пообещай, что больше не станешь удерживать души смертных, — потребовал Лань Цзыцзюнь. Как чиновника Подземного царства, его прежде всего заботил порядок в Подземном царстве. По крайней мере, Ма Юэ не использовал неприкаянных духов для тёмных ритуалов и не позволял им обратиться в свирепых призраков.

— Раз уж вы забираете душу Байли, какой мне смысл удерживать кого-то ещё? — горько усмехнулся Ма Юэ.

Его слова звучали разумно, и Лань Цзыцзюнь не стал настаивать на клятвах.

— Скажи честно... это ты убил Сюй Байли? — внезапно спросил Хуа Тянь.

Ма Юэ резко обернулся, его лицо исказилось от гнева и обиды:

— Да как у тебя язык повернулся такое сказать?! Я бы в жизни волоска с его головы не уронил!

Он сердито фыркнул и качнул головой:

— Впрочем... это ведь Юй Цзыи вам наплел, верно? Безумие совсем одолело его разум.

— Значит, Юй Цзыи действительно лишился ума? — протянул Хуа Тянь. Во время их недавней встречи молодой господин Юй и впрямь вёл себя странно: то впадал в ярость, то подолгу молчал, уставившись в одну точку.

— До того как он отправился в столицу на императорские экзамены, я жил в поместье Юй в качестве доверенного гостя, — начал рассказывать Ма Юэ. — Всё, что он вам наговорил... Будто у меня буйный нрав, будто я разругался со старым господином Юем, а после сбежал на гору Шэрао к разбойникам и вырезал всю его семью — не более чем плод его больного воображения.

При упоминании погибших слуг и хозяев поместья Ма Юэ на мгновение умолк, тяжело вздохнув.

— Плод воображения? То есть всё это — ложь от начала и до конца? — переспросил Хуа Тянь.

— Именно. Юй Цзыи сам выдумал эту историю и сам же в неё поверил. Он искренне считает меня убийцей и жаждет мести, — Ма Юэ горько усмехнулся. — В своё время мы с Байли поселились в поместье Юй лишь потому, что у нас не было другого выхода. Если бы я только знал, чем всё обернётся, я бы увёл его оттуда силой! Но было слишком поздно: Байли уже считал Юй Цзыи своим лучшим другом.

Ма Юэ в досаде ударил кулаком по колену, его душили запоздалые сожаления.

— Тогда кто же расправился с семьёй Юй? — негромко спросил Хуа Тянь, хотя в глубине души уже догадывался о страшной правде.

— Он сам их и убил. Всех до единого. И Байли, которого он якобы так нежно любил, тоже погиб от его руки, — за три года Ма Юэ свыкся с этой страшной правдой, и теперь его голос звучал пугающе ровно.

— В тот роковой день старый господин Юй отправил меня в соседний город с важным поручением. Это меня и спасло. Когда я вернулся, поместье было залито кровью, а Юй Цзыи деловито сжигал тела на заднем дворе. Я хотел бежать к уездным властям, но тут заметил среди мертвецов Байли... Мой разум помутился от горя. Я хотел лишь одного — разорвать этого ублюдка на куски. Но силы были неравны, Юй Цзыи одолел меня в схватке. Кое-как добравшись до тела Байли, я забрал его и скрылся здесь, на горе Шэрао. С тех пор прошло три года.

Ма Юэ умолк, погрузившись в тяжёлые воспоминания.

— Значит, тот уединённый приют на вершине горы — твоих рук дело? — спросил Хуа Тянь, вспомнив прекрасный ухоженный уголок среди диких скал.

— Да. Жизнь Байли была полна невзгод и печали. Перед смертью он так и не узнал счастья, поэтому я хотел подарить ему хотя бы этот иллюзорный, идеальный мир, — Ма Юэ достал из-за пазухи небольшой глиняный сосуд с запечатанным горлышком и бережно бросил его Лань Цзыцзюню. — Забирайте. Но мою память не трогайте. Это всё, что у меня осталось.

Лань Цзыцзюнь поймал сосуд и молча убрал его в рукав, решив не спорить с несчастным.

— И что ты намерен делать дальше? — спросил Хуа Тянь, глядя на одинокую, сгорбленную фигуру мужчины.

— Вернусь на гору. Буду, как и прежде, жить в нашей хижине, — Ма Юэ вдруг встрепенулся, точно вспомнив о чём-то важном, и с надеждой посмотрел на Хуа Тяня: — Кстати, где сейчас тело Байли? Вы ведь перенесли его на постоянный двор? Я должен забрать его домой.

<http://bllate.org/book/18412/1796491>